

К 80-летию Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук

Вик. П. ВИЗГИН

В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ ИИЕТ

Первым стихотворением, вспомнившимся мне в качестве отклика на недавние ИИЕтовские события, были несколько строк, посвященных Саше Каплану, который пришел в институт после событий 1968 г. в Чехословакии из одного НИИ, где он был уволен из-за несогласия с вводом войск в эту страну. В августе 1971 г. в Москве проходил Международный конгресс по истории науки, и Саше Каплану была поручена организация питания «конгрессменов»:

А. Каплану

Любитель Борхерта Вольфганга,
В совхозе он незаменим,
Он переплыл бы дельту Ганга –
Куда уж нам тягаться с ним!
Набрать воды нельзя нам ситом –
Ведь все равно уйдет она:
Так за начальника Нарпита –
Я пью бокал за Каплана!

В 1970–1980-е гг. в ИИЕТе, когда я в нем работал, была замечательная, скажу более, уникальная атмосфера, не только в научном смысле, но и в поэтическом. Иногда научное и поэтическое измерения соединялись, как это было, например, в рукописной газете «Вербалка», основу редколлегии которой составляли В. Л. Рабинович, А. А. Ахутин и Вик. П. Визгин. Помнится, в работе над отдельными номерами мне помогал С. Б. Шапошник. В составлении текстов и видеоматериалов газеты участвовала также Н. И. Кузнецова и некоторые другие сотрудники института. «Вербалка» родилась во время работы звенигородского семинара по методологии историко-научных исследований. В его организации участвовал также и сектор В. А. Лекторского (ИФ РАН). Научный натиск в рамках звенигородского семинара органически сочетался с поэтическим подъемом, – конечно, юмористически окрашенным, что требовалось самой сверхзадачей стенной газеты: создать вольное пространство рекреации после концептуальных «мозговых штурмов», разместив в нем лирико-комический комментарий к серьезной, творчески напряженной работе семинара.

Звенигород, куда мы ездили обычно в разгар весны, запомнился и иными видами активизации общения между сотрудниками института, склонными к поэтическому слову. Разумеется, первым поэтом ИИЕТа был Вадим Рабинович. Именно в номере звенигородского пансионата я впервые познакомил его с большой подборкой своих стихотворений. Помнится, ему особенно понравилось одно из них, как раз тогда, в Звенигороде, и сочиненное:

Весна в Звенигороде

От завязи до плода
Напряжена природа –
Стрела ее дрожит,
Ручьем с горы бежит,
И солнце так нездешне
Сквозь дым на нас глядит
Дырою на скворешне
Округлою на вид.
От завязи до плода
Натянута порода
Болотных рыжих жил.
В овраге еж ожил,
В листве сухой хлопочет –
Достать мышонка хочет.
В чащобе зяблик хлещет,
И хвост его трепещет
Слегка наискосок.
Сквозь сны приходят вещи –
Нанизаны на вещей,
На птичий голосок.

24 апреля 1979 г.

Мы с Вадимом Рабиновичем часто вспоминали блоковское стихотворение «Поэты». В пандан ему у меня сочинилось тогда стихотворение с таким же названием, которое, как мне представляется, выражает дух ИИЕТовского поэтического *community*. Вот из него несколько строк:

Неуклюжи, странны и смешливы,
И во всем всегда нетерпеливы,
С приливом не увязаны отливы,
А зуд речей, как смех ночей,
Как свет, как воздух, он – ничей.

Из архива «Вербалки» в моем архиве нашлось только одно стихотворение, посвященное Владимиру Натановичу Порусу, известному философу науки, постоянному участнику наших звенигородских встреч, выступавшему в мае 1981 г. с докладом об эволюции концепций науки в западной философии науки:

Три порусенка

Порусенок первый Шлик
Обнажил свой венский клык –
Третий мир его подкошен
И заплеван, и заброшен:
Бродят мушки и жуки
В предвкушении муки,
Молью скарб его проеден –
Еретик сэр Поппер едет!
Порусенок он второй.
Порусят приводит рой.
Строят хату иль бордель –
Не видна им, впрочем, цель.
Вот и этот дом заброшен –
Фейерабенд, что не прошен,
Строит лихо шалаши,
Строит ясли, гаражи,
Аншлюссирует анклавы
То для кайфа, то для славы!
Порусят свели на ферму
Покалечив эпидерму,
Заключили в коллектив –
Пойло им аперитив!

5 мая 1981 г.

Другим полюсом применения поэтических сил сотрудников института были, конечно, наши книги, которые дарились друзьям и коллегам и требовали посвящений, или надписей на память. Обычно мы их сочиняли в стихах. Приведу несколько характерных примеров:

Ире Дорман

Физику – от лирика,
Лирику – от клирика,
Космику – от комика
И кудрям – от бобрика!
Не направлен мускул
На раскрой и вырез –
И дарю не блузку,
Только книгу – Ире.

Лене Погребысской

Я шлю любезные приветы
Тебе, которая тогда
Мне предоставила Шарметты
По окончанию труда.
За то спасибо говорю
И труд оконченный дарю.

В 1980 г. я окончил исследование проблемы качества в античной натурфилософии и сдал в издательство «Наука» рукопись «Генезис и структура квалитативизма Аристотеля». Книга вышла весной 1982 г. В сентябре 1980 г. отдохнуть от трудов праведных я смог по любезному приглашению Елены Иосифовны Погребысской у нее на даче, которая в поэтическом воображении мгновенно превратилась в «Шарметты», местечко близ Шамбери (Савойя), где покровительница и друг Жан-Жака Руссо, мадам де Варанс, приютила уставшего мыкаться по чужим углам писателя, всегда вспоминавшего о тамошней целительной жизни как о «счастье».

Когда в 1979 г. вышла в свет книга В. Л. Рабиновича «Алхимия как феномен средневековой культуры», которую он, конечно, мне подарил с дружеской надписью, я откликнулся четверостишием на это событие:

В бахтинском действе неизменен,
С крестом и розой на груди,
В алхимии, как в феномене,
Сияет нуменом Вадим!

Вместе с Вадимом Рабиновичем мы в октябре 1972 г. ездили на конференцию по философским вопросам химии в город Азов. Тогда мы оба были сотрудниками сектора истории химии и работали под руководством замечательного ученого, всегда увлеченного новыми идеями, В. И. Кузнецова:

Азов

Переведем дыхание
И поглядим вокруг:
Акации, туманы
И неба светлый круг
В набеге на осенний
Степной российский юг.
Глухой казачий город
У Дона у реки,
Нелепостей ты полон,
Какой-то требухи
Ненужных конференций,
Которым невтерпеж
Вонзить тебе под сердце
Столовок финский нож,
Гостиниц балаганных,
Дорожных разносолов
И этих странных-странных
Мыслей под засовом,
И этих мокрых-мокрых
Далей под Ростовом.

Азов, 11 октября 1972 г.

Стихотворные надписи нередко сопровождали и даримые друг другу книги. Например, Георгий Дмитриевич Гачев еще со времен своей работы над теорией ускоренного развития литературы в ИМЛИ РАН до перехода в ИИЕТ занимался изучением жизни и творчества болгарского ученого и просветителя

Петра Берона (1799–1871). Однажды мне случилось купить в букинистическом книгу о Петре Бероне, и я ее подарил Георгию:

Нероноведу о Нероне,
Бероноведу о Бероне
Узнать полезно от и до,
А потому сие кадо –
Бероноведу всех народов,
Былых и будущих времен!

1982 г.

Георгию Гачеву посвящено было не так уж мало стихотворений – мы дружили и почти каждый год ездили в лыжные походы по таким местам, как Пушкинские горы или Ясная поляна¹. Мы с ним жили неподалеку друг от друга и регулярно сходились для лыжных пробежек. Ясный солнечный день, легкий мороз, и вот я слышу в телефонной трубке рокотание незабвенного голоса: «Виктор (ударение на последнем слоге), труба зовет!». А иногда первым звонил я, и редко получал отказ. Но и такое бывало, как, например, в этом случае:

На зов трубы, с небес идущий,
Готов ли ты откликнуться, Георгий?
Ты джинсы взял прискорбного размера
И весь в заботах до потери слуха,
Что трубный глас расслышать уж не в силах?
Но зов сильнее бренности и тела,
Что усладить надеешься ты тканью
Джинсовой.
А я в охоте псовой
На сову Минервы,
В одежде заграничной не нуждаясь,
Расслышать первые приметы
В лесу заснеженном стараюсь
Весны. Еще далекой.
Еще надтреснут небосклон.
Стиха откинувшись опокой,
Улиткою ползу на склон
Жизни.

26 декабря 1979 г.

Или вот еще на ту же зимне-солнечную лыжную тему:

Георгий, неба стадион
Нас приглашает на разминку.
И это кстати сделал он –
Луна свою прогнула спинку

¹ Мои воспоминания о Г. Д. Гачеве со стихотворениями, ему посвященными, опубликованы: Визгин В. П. Слово о Георгии Гачеве: записи вдогонку // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 102–126.

И улыбается, как кот,
Что ночью бродит, обормот,
По крышам.
Георгий, неба стадион
Посыпал звездами дороги –
В лазурь свои направим ноги,
Души прогоним хладный сон!
Бежим в лазурь, беглец игривый,
Пока полощет ветер гривы
Всегда приподнятых дерев
И задирает юбки дев,
Пока сияет нам лазурь
Отдохновением от бурь
Земли.

1982 г.

Мы не просто сотрудничали в рамках института, внутри наших секторов. Мы еще встречались по разным другим поводам: новоселье, день рождения, субботник, поездка на уборку урожая в совхоз и т. п. Часто на таких дружеских встречах читались стихи. Подобных вечеров запомнилось немало, как и тех стихотворений, которые на них читались. Но я не буду их помещать в эту подборку, желая быть кратким. Однако приведу несколько юбилейных стихотворений. 15 сентября 1980 г. Мерабу Константиновичу Мамардашвили² исполнялось пятьдесят лет:

Юбилейное

Мерабу Мамардашвили

Мераб – это солнце полуденных трав,
В горах он кочует, долины поправ.
Он – воздух джигитов, аэр пастухов,
С ним пить обожаю до зорь петухов.
Он ввысь нас уводит ущельем ума,
Где плавится солнцем снегов кутерьма,
И шерпом ведет нас по горным хребтам –
Платона, Декарта и Канта следам.
В нем есть упоенье растений и рос –
На даре Мераба побегом возрос
И маленький принц, и досужий халдей,
Чья родина – небо богов и идей.

Конечно, стихотворения посвящались и другим людям, работавшим в те далекие уже годы в ИИЕТе, прежде всего, брату, Владимиру Павловичу Визгину, а также таким близким друзьям, как Анатолий Валерьянович Ахутин и Вадим Львович Рабинович. Но для краткости я их опушу, закончив эту подборку опять-таки юбилейным аккордом. В декабре 1986 г. в институте отме-

² Воспоминания о нем см.: *Визгин В. П.* Мы все его так любили: вспоминая Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили. М., 2009. С. 17–32.

чали в спаренном формате два пятидесятилетия – Владимира Павловича Визгина и Владимира Семеновича Кирсанова:

Юбилейная мини-ода

Ашот Тиграныч Григорьян
В умов сплочении так рьян –
Как вихрь, историков пронзил
И в Сектор их соединил.
Возникли Лена и Наташа,
И Мира, Ира, но не Даша,
И Кривомазов, тот, что Саша,
И Вяльцев – бурный арлекин,
И Идлис – славный паладин.
Но всех, увы, не перечесть –
Володи в нем, конечно, есть.
И вот уж Сектора строенье
Летит, звенит, как песнопенье,
И оживляет ИИЕТ,
В котором сто суммарных лет
Встречают крепыши Ашота,
И чтоб сказать в их адрес что-то,
Скажу совсем уж напрямик,
Что наша жизнь – один лишь миг,
И в ней опорой два Володи –
Два совершенства по природе.

8 января 1987 г.